Ксения Мун

Любовь с привкусом стекла

18+

Ксения Мун

Любовь с привкусом стекла

https://litres.ru/74902112
SelfPub; 2026

Аннотация

Алиса Ветрова привыкла списывать ночные видения на усталость. Но когда она увидела в окне напротив лицо, которое преследовало её во сне, – лицо Даниэля Дымова – время остановилось. Она смотрела, как повторяется картина из сновидения: движение, тело, тишина. И его взгляд, поднявшийся на неё.

В ту секунду она поняла две вещи. Первая: её сны – это не фантазия, а предзнаменование. Вторая: он видел, как она смотрит. И теперь у них обоих есть секрет. Только её секрет – это кошмар, который снится каждой ночью. А его секрет – это то, что лежит на полу в его спальне.

Ксения Мун
Любовь с привкусом стекла

Любовь с привкусом стекла

Оглавление

Сюжет
Пролог
Глава 1. Когда сон стучится в дверь
Глава 2 Клятва у стены
Глава 3 Мальчик, которого не любили
Глава 4 Выбор между жизнью и клеткой
Глава 5 Свадебный балаган. Теперь миссис Дымова
Глава 6 Странные чувства
Глава 7 Цена дара
Глава 8 Холод её губ, любовь его рук
Глава 9. Между клинком и поцелуем
Глава 10 Погоня в ночи
Глава 11 Цена любви
Глава 12 Две розы и письмо

Сюжет

Алиса Ветрова привыкла списывать ночные видения на усталость. Но когда она увидела в окне напротив лицо, кото-

рое преследовало её во сне, – лицо Даниэля Дымова – время остановилось. Она смотрела, как повторяется картина из сновидения: движение, тело, тишина. И его взгляд, поднявшийся на неё.

В ту секунду она поняла две вещи. Первая: её сны – это не фантазия, а предзнаменование. Вторая: он видел, как она смотрит. И теперь у них обоих есть секрет. Только её секрет – это кошмар, который снится каждой ночью. А его секрет – это то, что лежит на полу в его спальне.

Пролог

Есть люди, которые рождаются в тишине. Не в той, что успокаивает, – в той, что душит. Они растут среди стен, которые слышали слишком много ссор и слишком мало слов любви. Они учатся не плакать громко, потому что слёзы никого не трогают, и не просить тепла, потому что руки, которые должны были обнимать, умели только бить или молчать. Такие дети вырастают. Но не исцеляются. Они просто становятся старше – и находят друг друга.

Алиса рисовала то, чего ей не хватало всю жизнь: прикосновение. Где-то далеко, в другой части города, в комнате с задёрнутыми шторами, Даниэль смотрел на своё отражение и не узнавал человека напротив. Он давно перестал считать, сколько раз засыпал с мыслью, что никому не нужен. И сколько раз просыпался с той же мыслью.

Они встретятся. Не романтично, не под музыку и не в свете фонарей – скорее всего, резко, грубо, как сталкиваются две машины, у которых отказали тормоза. Он скажет что-то, что заденет её до кости. Она ответит так, что он впервые за годы почувствует хоть что-то, кроме пустоты. Это будет не любовь с первого взгляда. Это будет узнавание. «Ты тоже сломан. Я вижу».

Их отношения не будут здоровыми. В них не будет места нежности – по крайней мере, сначала. Будет борьба. Будет боль, которая станет привычкой. Будет обида, которую они оба будут прятать за колкостями и холодом. Один будет брать. Другая – отдавать. Потом наоборот. А потом они запутаются настолько, что уже не поймут, кто кого спасает, а кто – губит. Так бывает, когда два раненых сердца пытаются согреть друг друга: вместо тепла – ожоги. Но всё же... тепло.

А потом что-то щёлкнет. Внутри. Как выключатель в тёмной комнате, о котором забыли на годы. Алиса посмотрит на Даниэля – и вдруг увидит не монстра, не холодного циника, не того, кем он притворялся. Она увидит мальчика, который когда-то тоже хотел, чтобы его просто любили. И Даниэль, глядя на неё, впервые позволит себе увидеть не очередную «сложную» женщину, а девочку, которая всю жизнь рисовала, и не видела любви и тепла.

Дорогой читатель, эта история не о том, как любовь лечит. Она о том, как любовь находит нас там, где мы её совсем

не ждали. В самых тёмных углах. В самых грубых словах. В самых неправильных людях. И, возможно, именно поэтому она настоящая.

Не суди Алису слишком строго. Не спеши ненавидеть Даниэля. Просто прочитай до конца. И, может быть, ты узнаешь в них кого-то. А может – себя.

Их история начинается сейчас.

Глава 1. Когда сон стучится в дверь

«Когда сон стучится в дверь, становится не по себе: ведь мы понятия не имеем, что скрывается по ту сторону реальности».

– Ксения Мун

Алиса

Я Алиса Ветрова, и моя жизнь никогда не была цветной. Скорее, она напоминала акварель, размытую дождём, – там, где должны быть яркие пятна, оставалась лишь серая бумага.

Моя мать сдала меня в приют, когда мне было пять. Не потому что я была плохим ребёнком, а потому что нашёлся мужчина, который оказался важнее дочери. Она говорила, что мой отец – «большая шишка», у которого вечно дела. Я ни разу его не видела. Может, он существовал, может, она просто придумала красивую сказку, чтобы оправдать свою пустоту. Я перестала искать правду, когда поняла: если тебя

отдают, значит, ты ошибка, которую хотят исправить.

Приют не стал спасением. Там дети жестоки по-своему: они чувствуют слабых. Я была тихой, рисовала в углу и не плакала, когда меня обзывали. Я просто ждала. Ждала, когда мне исполнится восемнадцать, когда я смогу выдохнуть и начать заново.

И я начала.

Я сменила города, сменила работы. Было всё: и голодные месяцы, когда я ела гречку с водой, и ночные смены в забегаловках, и вечеринки, на которых я пыталась забыть себя в шуме и алкоголе. Я даже пробовала любить. Был один парень – Марк, кажется, – но я не подпускала его близко. Каждый раз, когда он пытался дотронуться до меня по-настоящему, я внутренне сжималась в комок. Я ходила к психотерапевтам, глотала таблетки, чтобы заглушить ту пятилетнюю девочку, которая так и сидит в тёмном углу моей души.

Сейчас мне двадцать. Я снова в новом городе, учусь на факультете искусств и пишу картины на заказ. Это единственное, что у меня получается по-настоящему. Когда я беру кисть, мир исчезает. Остаются только линии, цвета, тени. И иногда – то, чего я не должна видеть.

Я не знаю, как это объяснить. Это началось в подростковом возрасте. Сначала просто странные сны, в которых я видела лица незнакомцев. Потом я встречала их в реальности. Врачи разводили руками: кто-то говорил, что это гиперчувствительность, кто-то – что это шизофрения. Только одна

старая медсестра в приютском медпункте шепнула мне, когда я была совсем маленькой: «У тебя, девочка, дар. Только не говори никому, а то увезут».

Я не знала, верить ли ей. И до сих пор не знаю. Но когда ночью я вижу во сне, как незнакомый мужчина роняет чашку в кафе, а на следующее утро вижу это наяву, – я перестаю искать рациональные объяснения. Я просто рисую. Это помогает мне с этим жить.

Сегодня утром я проснулась с четким ощущением, что этот день – особенный. Не то чтобы я верила в приметы или судьбу. Но внутри поселился холодный, вязкий страх, словно перед грозой, когда воздух становится слишком плотным и трудно дышать. Я отмахнулась, сказала себе, что это просто нервы.

День пролетел быстро. Я закончила заказ –портрет женщины с печальными глазами,– сходила в магазин, поужинала одна под старый сериал. Всё было почти нормально. Почти.

К одиннадцати вечера я почувствовала усталость. Горячая ванна с пеной казалась лучшим решением. Я взяла с собой книгу, но через пять минут глаза слипались. Тёплая вода обволакивала тело, расслабляла мышцы. Я закрыла глаза и провалилась.

Мне приснилась квартира. Не моя, но напротив моего окна. Дорогая, с тёмными стенами и тяжёлыми шторами. Хрустальная люстра бросала странные блики, похожие на капли крови. Посреди гостиной стоял мужчина. Он был в чёрной

футболке, которая обтягивала тренированные плечи, и казался невозмутимо спокойным. Его руки были в татуировках – причудливые узоры, похожие на ветви деревьев, спускались от запястий до самых пальцев. Он держал что-то в руке. Сначала я не поняла что, а потом увидела – это была женская шея. Хрупкая, тонкая, с родинкой под ухом.

Девушка не кричала. Она даже не сопротивлялась. Она смотрела на него с каким-то обречённым принятием, будто знала, что это должно случиться. Он что-то шептал ей, наклоняясь к самому уху, как любовник перед поцелуем. А затем его пальцы сжались.

Я хотела закричать. Но не могла. Я видела, как он смотрит прямо на меня, как наши взгляды встречаются сквозь сон, сквозь время, сквозь эту проклятую границу между явью и сном. Его глаза были слишком светлыми – почти прозрачными, как лёд.

И он улыбнулся. Едва заметно. Так, будто знал, что я смотрю.

Я проснулась с диким криком, захлебнулась водой, закашлялась. Вода в ванной стала холодной, почти ледяной. Я вылетела из ванны, схватив первое полотенце, и бросилась к зеркалу, чтобы убедиться, что я – это я. Сердце колотилось так, что я слышала его в висках.

– Это просто сон, – прошептала я. – Просто сон.

Но, подойдя к окну, то я увидела того самого парня из мо-

его сна, который убил девушку у меня на глазах, и он видел меня, и смотрел мне прямо в глаза. Наши глаза столкнулись, и я моментально закрываю шторы, и беру телефон в руки.

Но на столе, на моём рабочем мольберте, лежал недорисованный портрет. Тот самый. Который я начала вчера, когда вдруг почувствовала непреодолимое желание взять карандаш и перенести на бумагу лицо из своих снов. Я рисовала его на автомате, без эскиза, словно чья-то рука водила моей. Теперь я смотрела на рисунок и видела те же татуировки, тот же разрез глаз, ту же холодную улыбку.

Рука задрожала, и я отшатнулась от мольберта. Я не знала, что делать. Бежать в полицию? Рассказать, что мне приснилось убийство, которое, произошло в реальной жизни на моих глазах? Они примут меня за сумасшедшую. Или хуже – за соучастницу.

Кто-то стоял в коридоре.

Тишина. А потом – три медленных, тягучих удара в мою дверь. Словно тот, кто стучал, знал, что я дома. И знал, что я всё видела.

Я прижала телефон к груди, как единственную защиту. И поняла: он пришёл.

Глава 2 Клятва у стены

«Клятва – это как татуировка. Сначала казалось краси-

вым, а потом понимаешь, что стереть нельзя, остаётся навсегда.»

– Ксения Мун

Алиса

Я знала, что это он. Ещё до того, как он постучал. Просто чувствовала – каждой клеткой, каждым позвонком. От этого руки начали трястись сразу, ещё до первого звука.

А потом стук разорвал тишину. Громкий, тяжёлый, требовательный. Я зажала рот ладонью, вжалась спиной в стену и замерла. Сердце колотилось так сильно, что я слышала его в ушах. Стук не прекращался. Он становился злее, нетерпеливее.

И тогда он заговорил:

– Открывай давай, либо я выбью дверь, поняла? Выбирай.

Я не знала, что делать. Ноги отказывались слушаться, в голове было пусто и шумно одновременно. Я судорожно пыталась придумать план, но мозг словно заклинило.

– Даже не думай звонить в полицию, – услышала я сквозь дверь. Голос был низким, злым, с металлическими нотками. – Или будешь следующая.

Я уже набирала номер. Пальцы скользили по экрану, дро-

жали, не попадали по цифрам. И в этот момент раздался треск. Дверь содрогнулась, петли заскрипели, и он ворвался внутрь. Его тело двигалось быстро, резко – видно было, что он сильный, и дверь для него не стала серьёзным препятствием.

В следующую секунду он уже прижал меня к стене. Одной рукой закрыл мне рот, второй упёрся в стену рядом с моей головой. Я оказалась в ловушке.

Я смотрела в его глаза. светло-серые, почти прозрачные, но в них горело что-то тёмное и горячее. Будто внутри него полыхал огонь, который он едва сдерживал. Тёмные волосы упали на лицо, завивались на концах – они касались моей кожи, и это было странно: одновременно пугающе и интимно.

От него пахло потом и дешёвым одеколоном. Резкий, мужской, тяжёлый запах заполнил мои лёгкие, и я не могла сделать вдох глубже.

Он молчал. Просто смотрел на меня. Изучал. Водил взглядом по моим глазам, губам, шее. Медленно, будто читал книгу, в которой уже знал конец. Я не понимала: я боюсь его или нет. Адреналин смешал все чувства в одну горячую кашу.

Наконец он заговорил. Тихо. Почти ласково – и от этого становилось ещё страшнее

–А ты красивая, – сказал он, и уголок его губ дёрнулся. – Но всё же увидела мой секрет. Что мне с тобой делать, а?

Он чуть склонил голову, разглядывая меня, будто решал.

– Смотрю я на тебя, и хочется просто что-то с тобой сде-

лать, – продолжил он. — Но я пока не знаю, что. Если ты кому-то расскажешь… я знаю, где ты живёшь. Я в любой момент могу напасть. Ты будешь оборачиваться и помнить мои глаза. Как сейчас.

Он говорил спокойно. Уверенно. Будто объяснял ребёнку очевидные правила. И в его голосе не было сомнений – он действительно мог это сделать.

Я не могла ответить – его ладонь всё ещё сжимала мой рот. Я только смотрела в его глаза, пытаясь понять, что будет дальше.

Он выдержал паузу. Долгую, тягучую. Смаковал моё молчание, мою беспомощность.

– Сейчас я отпущу руку, – сказал он наконец. – И ты поклянёшься мне, что ничего никому не скажешь. Если хоть пикнешь – сама знаешь, что будет. Ты уже видела, на что я способен.

Я кивнула. Два коротких резких движения. Он медленно, аккуратно убрал ладонь с моего лица. И улыбнулся. Эта улыбка была хуже любого крика. Он наслаждался происходящим. Я видела это по его глазам, по тому, как расслабились его плечи.

– Поклянись мне, что никому не скажешь, а, если когда-нибудь скажешь, то я все равно найду тебя!

Я стояла молча, и не знала, что мне делать, но я смотрела в его глаза, и не знала, что он выкинет, и он закричал :

– Клянись, быстро!

– Ладно, ладно, я клянусь, что никому не скажу, только отпусти меня!

Я не закричала. Сама не знаю почему. Вместо этого я начала бить его. Кулаками в грудь, в плечи, куда попадало. Без сил, без техники –просто выпуская наружу весь ужас, который скопился внутри. Адреналин требовал выхода, и я не могла остановиться.

Он легко перехватил мои руки. Сжал так, что запястья заболели.

– Успокойся, – сказал он жёстко. – Либо это сделаю я.

– Как ты смеешь вообще? – выкрикнула

я, пытаясь вырваться. – Ты монстр! Тебе самому не противно от себя?

Он шагнул ближе. Наклонился к моему лицу, и я снова почувствовала его запах, его дыхание.

– Дорогая, жизнь такая у меня, – ответил он, и в голосе мелькнула тень чего-то настоящего. – Думаешь, я хотел всего этого? Ты меня не знаешь. Через что я прошёл. Так что не тебе меня судить.

Он отпустил мои руки, но продолжал смотреть в глаза. Его татуировки – тёмные переплетения узоров на пальцах –

мелькнули у моего лица.

– Я уйду, – сказал он. – Но ты будешь молчать. Поняла?

Я молчала. Он ждал.

– Я знаю, где тебя найти, – добавил он. – Могу быстро нарыть на тебя информацию. Так что не рыпайся.

– Будешь теперь постоянно мне угрожать? – выплюнула я, чувствуя, как слёзы подступают к горлу. – Только на это и способен?

– Не зли меня, девочка, – ответил он тихо, почти шёпотом. – Или хуже будет. У тебя слишком длинный язык, дорогая.

Он снова наклонился ко мне, замер на пару секунд, будто собираясь сделать что-то ещё. А потом отступил. Медленно начал пятиться к выходу, не сводя с меня глаз. Хищник, который не спешит, потому что добыча никуда не денется.

Я стояла, прижатая к стене. Не двигалась. Не дышала. Только смотрела, как он исчезает в дверном проёме, как тени смыкаются за его спиной.

Прошла минута. Вторая. Тишина давила на уши.

И тогда меня пробило. Слёзы хлынули потоком – солёные, горячие, безудержные. Я сползла по стене на пол, закрыла лицо руками и плакала навзрыд. От страха, от бессилия, от того, что я ничего не могла сделать.

Я сидела в углу своей же квартиры и чувствовала себя в

клетке. Потому что он был прав. Он знает, где я живу. Он может прийти в любой момент. И я теперь всегда буду оглядываться.

Глава 3 Мальчик, которого не любили

«Дети думают, что любовь – это воздух. Что она даётся по умолчанию. Что мать должна обнимать, а отец – гордиться. Но мир устроен иначе. Иногда мать смотрит сквозь тебя, будто ты – окно, за которым её настоящий сын. Иногда отец не поднимает на тебя глаза, потому что ему стыдно, что ты вообще родился. И ты растёшь с этим. Впитываешь эту пустоту. И однажды замечаешь, что внутри тебя не осталось места для любви. Только для злости. Только для холода. Только для клятвы, которую ты даёшь себе в тринадцать: я никогда не буду хорошим. Хорошие заканчивают в могиле. А я выживу.»

– Ксения Мун
Даниэль

Прошлое

Раньше я никогда не думал, что дойду до этого. Что стану тем, кого люди боятся даже называть по имени. Я родился с сердцем – глупым, горячим, отчаянно ищущим любви. Я помню, как в детстве подходил к матери, тянул к ней руки,

а она отворачивалась. Не с ненавистью. С ледяным равнодушием, которое хуже любой злобы. Она смотрела сквозь меня, будто я был стеклом, через которое видно только моего старшего брата.

Рафаэль. Золотой мальчик. Брат-близнец, который старше меня на десять минут. Наследник, смысл их существования.

Я же был ошибкой. Досадным недоразумением, которое они забыли ликвидировать.

Отец не бил меня. Он просто не замечал. Мы жили в одном доме, ели за одним столом, но для него я был призраком. Я пытался заслужить их одобрение: приносил пятерки, молчал, когда они кричали на меня, убирал за ними. Ничего. Ноль. Каждая моя попытка разбивалась об их спины, повернутые к брату. И тогда я перестал пытаться.

В тринадцать я сбежал. Нет, формально я числился пропавшим без вести, но мои родители не подали заявление. Полицейский позвонил им через неделю, а мать ответила: «Он вернется, когда проголодается». Я не вернулся.

Улица приняла меня. Грязная, опасная, но честная. Там никто не притворялся, что любит тебя. Либо ты полезен, либо ты труп. Я выбрал первое.

Именно там я встретил Дэйва. Высокий, с вечной усмешкой и пустыми глазами. Он называл себя Дэйвом, но паспорт

говорил, что он Дамир. Его друг, брат, тень – он стал моим единственным ориентиром в этом хаосе. Он нашел меня в подворотне, когда я дрался за кусок хлеба с тремя парнями старше меня. Я проигрывал, но не сдавался. Дэйв смотрел на это десять минут, а потом разогнал их парой ударов.

– Ты злой, – сказал он. – Это хорошо. Злость можно продать.

И он продал. Меня. Мои руки. Мою ненависть.

Он привел меня к человеку, к своему боссу .Серый костюм, серебряные запонки, глаза-щелочки. Он посмотрел на меня, тринадцатилетнего щенка, и спросил:

– Готов убить за деньги?

Я ответил «да», даже не задумавшись. Потому что мне уже нечего было терять. Семья вырезала мое сердце скальпелем безразличия, а улица добила кувалдой. Кому нужна была моя мораль? Никому.

Первая работа – старик, задолжавший огромную сумму. Я помню его глаза. Он молил, плакал, обещал вернуть деньги, звал внучку. Я смотрел на него и видел отца. Нет, не жалость. Омерзение. Я закрыл его лицо подушкой и сжал. Он дергался долго. Слишком долго. Но когда он затих, я почувствовал странный покой. Впервые в жизни я контролировал чужую жизнь. Это было пьяняще.

Сейчас мне двадцать два. Я профессионал. У меня дорогая квартира в центре нового города, темные стены и черные

мысли. Я меняю документы, страны. Я богат. И абсолютно пуст.

У меня была девушка. Милая, с мягкими руками и доверчивым взглядом. Я почти поверил, что могу быть с ней нормальным. Но однажды я пришел домой раньше и застал ее в постели с Рафаэлем. Моим братом. Моим золотым братом, который даже не знал, что я жив.

Она смотрела на меня с вызовом. Он – с ухмылкой. Я ушел. Не убил их. Не потому, что был великодушен. Просто понял окончательно: любовь – это слабость, которую люди используют против тебя.

С тех пор я не влюблялся. Я стал холодным, расчетливым, идеальным. Я дал себе клятву: если мне и суждено встретить ту самую, я переступлю через нее. Я не позволю себе быть хорошим. Хорошие парни

заканчивают в могиле. Плохие – правят миром.

Настоящее

Я выполнял заказ. Женщина, блондинка, лет тридцать. Жена влиятельного политика, который решил избавиться от нее тихо и красиво. Мы были в моем доме и я решил использовать всю свою красоту и обаяние.

Я целовал ее шею, а затем начал душить. Она уже хрипела, когда я увидел, что напротив меня стоит девушка, и смотрит прямо на меня.

Она стояла на балконе соседней квартиры. Девушка. Лет двадцать, не больше. Темно-каштановые волосы струились

по плечам, ветер играл с кончиками. Она смотрела прямо на меня. На мои руки. На труп за моей спиной.

Я замер. Она – тоже.

В ее светло-карих глазах плескался страх. Настоящий, животный ужас, который невозможно подделать. Но было что-то еще. Что-то, что резануло меня по живому. Любопытство. Будто она видела перед собой не убийцу, а загадку, которую хотела разгадать.

Это меня и взбесило.

Она должна была закричать. Убежать. Набрать в полицию. Но она просто стояла, вцепившись в перила балкона, и смотрела на меня, пока я смотрел на нее.

Я побежал за ней, как ниндзя, и решил зайти к ней, и постучать, чтобы не болтала лишнего, и припугнуть ее.

Постучал. Три раза, громко, настойчиво.

Она открыла. Она узнала меня. Ее дыхание сбилось, но она не закричала. И я прижал ее к стене

Я вошел. Захлопнул дверь. Резким движением прижал ее к стене. Ладонь легла на шею – мягкая, теплая, живая. Я чувствовал, как бьется ее пульс под моими пальцами. Как подрагивают ресницы.

Я разглядывал ее. Долго. Нагло. От макушки до щиколоток. Хорошая. Слишком хорошая для этого мира. Чистая кожа, правильные черты, длинная шея. Такая, которую я мог бы сломать одним движением.

– Ты будешь молчать, – сказал я. – Или я вернусь. Не завтра. Не через неделю. А в тот момент, когда ты обо мне забудешь. И тогда будет больно. Очень больно. Я заставил ее поклясться

Она поклялась . И я ушел.

Но я не доверял ей. Я не верю никому. Я собрал на нее досье в ту же ночь. Ее зовут Алиса. Она работает художницей , живет одна, жила в приюте, и мать сдала ее,и отца она не знала никогда. друзей почти нет. Она идеальная мишень.

Но есть в ней что-то, что мне не нравится. Что-то, что я не могу контролировать.

Я должен был убить ее. Риск – слишком велик. Но я не убил.

Я оставил ее в живых. И теперь буду наблюдать. Играть. Ждать, когда она сорвется, сделает ошибку. И тогда я приду за ней. Снова.

Но почему-то в груди, там, где я похоронил свое сердце, заворочалось что-то живое.

Я задушил это чувство. Я убийца. У меня нет права на чувства.

Но черт бы побрал эти глаза.

Глава 4 Выбор между жизнью и клеткой

«Она думала, что спасает чужую жизнь. А на самом деле спасала свою – единственным способом, который ей оставили.»

– Ксения Мун
Алиса

Прошлое

Моё детство не было историей – оно было чёрной дырой, в которую провалились все краски. Приют. Серые стены, пахнущие хлоркой и чужим отчаянием. Мать отказалась от меня, даже не взглянув в глаза – я запомнила только край её пальто, мелькнувший в дверном проёме. Отца я не знала. Я вообще не знала, кто я. Просто тень среди других теней, девочка без имени, которую никто не хотел замечать.

Одиночество было моим единственным одеялом. Оно сжимало горло по ночам, когда другие дети спали в обнимку с игрушками, а я сжимала подушку и смотрела в потолок, гадая, почему даже те, кто должен любить меня по праву крови, вычеркнули меня из своей жизни.

После приюта я поклялась себе: я выращу себя заново. Я стану той, кем захочу. Я надену маску нормальности и буду носить её до тех пор, пока не поверю в неё сама. Но травмы – они как ожоги: кожа заживает, а внутри всё равно болит, когда идёт дождь. Или когда кто-то повышает голос. Или ко-

гда мужчина сжимает кулак, и моё тело вспоминает удары раньше, чем мозг успевает испугаться.

В приюте был парень. Я думала, он спасёт меня. Он был сильным, грубым, и я принимала его жестокость за страсть. Он бил меня, когда я не слушалась. Он смеялся, когда я плакала. А я терпела, потому что думала: это и есть любовь. Потому что мать меня не любила, отец меня не знал, и я не знала, как должна выглядеть настоящая забота. Но однажды я посмотрела в зеркало на своё разбитое лицо и поняла: я умираю. И я ушла. Собрала себя по кускам и ушла, даже не оглянувшись.

Я отучилась на художника. Кисти и краски стали моим языком, на котором я говорила с миром, который меня не слышал. Я рисовала всё, что видела, что чувствовала... и то, что видела во сне. Сны приходили ко мне как лихорадка – яркие, слишком реальные, с запахами и звуками, которые невозможно было выдумать. Я рисовала их, а потом они сбывались. Сначала я думала, что схожу с ума. Врачи говорили о шизофрении, таблетках и клиниках. Они хотели запереть меня, усыпить мой разум. Но я сопротивлялась. Я поняла: это не безумие. Это дар.

Я не знала, откуда он взялся. Может быть, от той пустоты, что зияла внутри меня. Может быть, от той боли, что я носила в себе. Но я приняла его. Потому что когда у тебя нет никого, даже твой собственный страх становится другом.

Настоящее

После того сна – того, где он убивал девушку у меня на глазах, а я стояла и смотрела, приросшая к полу от ужаса, – я поняла: я должна была вмешаться. Я должна была что-то сделать. Но я не сделала. И теперь внутри меня сидела вина, острая и холодная, как лезвие, которое я проглотила.

Тот парень знает, где я живу. Я чувствую это кожей. Он оставил свой запах в моей квартире – запах стали, дождя и чего-то древнего, тёмного, что спит внутри него. Я не знаю, кто он. Но я знаю, что он придёт снова. Или я приду к нему.

Я давно не видела снов. Тишина в моей голове была почти благословением. Но теперь, когда он появился, сны вернулись – липкие, тревожные, пропитанные кровью. Я должна остановить его. Я поклялась ему тогда, у стены, что не вызову полицию. Но я не обещала, что не вмешаюсь сама. Я не обещала, что не стану его тенью.

Время шло к обеду, а я всё ещё сидела среди разорванных листов. Моя квартира напоминала поле боя: клочки бумаги, скомканные рисунки, пыль на полу. Я рисовала и выкидывала, рисовала и выкидывала, как поэт, который ненавидит каждое написанное слово. Но рисование спасло меня. Без него я бы уже давно сломалась.

Я думала о нём. О его прикосновении у стены. О том, как его голос проник под мою кожу и остался там, пульсируя в такт сердцу.

Я выйду на охоту. Если он приснится мне снова, я буду готова.

Даниэль

Заказ от босса. Очередной. Важная шишка в авиакомпании, слишком много знает, слишком много видел. Ну что ж. Я убираю проблемы. Это единственное, что я умею делать хорошо.

Работа – это всё, что у меня есть. Если бы не она, я бы сгнил на улице, попрошайничая на хлеб. Теперь у меня есть деньги, власть, оружие. И пустота внутри, которую ничто не заполнит.

Моя семья считает меня мёртвым. Брат-близнец знает правду – он узнал меня тогда, в переулке, когда я стоял над телом и вытирал нож. Он смотрел на меня глазами, полными ужаса, и я прочитал в них приговор: «Ты чудовище». Он ничего не сказал родителям. Может, потому что ему было стыдно. А может, потому что он тоже хотел, чтобы я исчез.

Мы были близки, когда были детьми. Всего десять минут разницы, но он всегда был любимчиком. Идеальный сын. Золотой мальчик. А я – тень, которую никто не замечал. Я всегда хотел сбежать. И я сбежал. Пусть и такой ценой.

Моя психика разбита вдребезги. Моя душа – груда осколков. Но я создал себя заново. Из страха, из боли, из гнева. Я стал тем, кто я есть.

Сегодня ночью я должен ликвидировать цель. У него

огромный дом, он изменяет жене, он вызывает девочек по вечерам. Мои люди уже следят за ним. Дэйв поможет мне на начальном этапе, а дальше я справлюсь сам.

Надеюсь, та девчонка не сунется. Я оставил за ней слежку – мои люди на крышах, у подъезда, в тени. Если она появится, я узнаю первым.

Посмотрим, что она выберет: жизнь или смерть.

Алиса

Я прибиралась в квартире, в наушниках играла тихая музыка, но краем глаза я заметила фигуры на крыше дома напротив. Моё сердце пропустило удар. Неужели он настолько одержим, что поставил за мной слежку? Или мне просто кажется, и я начинаю сходить с ума от паранойи?

Я задёрнула шторы. Я должна лечь. Я должна увидеть сон.

Моя голова коснулась подушки, и мир поплыл. Я провалилась в темноту – и там, во тьме, я увидела его. Он стоял в огромном доме, с пистолетом в руке, и перед ним был мужчина – напуганный, умоляющий. В видении мелькнул адрес. Я запомнила его, как клеймо на внутренней стороне века.

Я проснулась. Время было уже около десяти вечера.

Я оделась в чёрное – худи, джинсы, кепка, тёмные очки. Я знала, что на крышах сидят его люди, но я должна рискнуть. Я вызвала такси, стараясь не шуметь.

В машине я открыла окно. Ночной воздух пах мокрым асфальтом и приближающейся грозой. Я любила осень за этот запах – свежий, чистый, почти жестокий. Капли дождя стекали по стеклу, рисуя причудливые узоры. В наушниках играла любимая песня, и я почти забыла, куда иду.

Но дом уже показался впереди. Белый, с чёрными полосами, с бассейном. Я подошла ближе. Внутри горел свет, и я видела мужчину – он был в одних трусах, рядом с ним две девушки.

Я обошла дом и нашла запасную дверь. Я вошла.

– Ты кто такая? – он заметил меня, и его взгляд стал настороженным.

– Мистер, вы меня не знаете, но...

Он перебил меня с усмешкой:

–Тебя ко мне прислали? Ну, видишь, я не один, но ты мне не помешаешь, красавица.

– Вы не поняли. Я пришла, чтобы спасти вас!

– Спасти от чего, дорогая?

В тот же миг распахнулась дверь. Мужчина вырубил девушек одним ударом, и в проёме показался он. Тот, кого я видела во сне. Его глаза расширились от ярости. Он приставил пистолет к виску хозяина дома.

– Что ты здесь делаешь? – его голос был низким, почти шипящим. – Как ты нашла меня?

– Это неважно! – крикнула я. – Отпусти его! Сейчас же!

– Кто вы? Умоляю, не трогайте меня! Я отдам всё! – залепетал мужчина.

– Заткнись, – сказал он холодно. – Я пришёл тебя убрать.

– Не смей!

– Подойдёшь – я убью его мгновенно. А потом и тебя, если осмелишься.

Я смотрела в его глаза. Там не было огня. Там была тьма. Бесконечная, глубокий чёрный цвет, в котором тонул свет.

–Ну что? – усмехнулся он. – Язык проглотила?

Он направил дуло на мужчину.

– Раз, два...

Я не думала. Я просто побежала.

– Бегите! – закричала я жертве.

Мужчина бросился прочь, а он выстрелил. Выстрел был точным, как удар сердца. Тело упало.

– НЕЕЕЕЕТ! – закричала я, падая на колени. – Нет! Как ты мог?!

Мой крик разорвал ночную тишину. Я рыдала, как по родному человеку. В груди всё разрывалось от боли,

от бессилия, от того, что я снова не успела.

Он подошёл ко мне. Его пальцы сомкнулись на моём горле, не больно – собственнически, как будто он пробовал мою кожу на вкус.

– Я не знаю, как ты меня нашла, – прошептал он, наклоняясь к моему лицу. – Но ты теперь никуда не денешься. Ты

будешь со мной.

Его пальцы скользнули вверх, к моему подбородку, приподнимая моё лицо.

–У меня два варианта, – его голос был тёплым, почти ласковым, отчего становилось ещё страшнее. – Или мы прямо сейчас идём в ЗАГС и расписываемся. Или я убиваю тебя так же быстро, как его. Выбирай.

Мои ноги подкосились. Я рухнула бы, если бы он не держал меня.

–Что... – прошептала я. – Что ты сказал?

– Ты слышала. Выходи за меня, или умри. Другого не дано.

Он отпустил моё горло и сделал шаг назад.

– У тебя пять минут.

Я смотрела в его глаза. Там была не злоба. Там была пустота. И в этой пустоте я увидела себя – отражение человека, который мог бы меня понять. Потому что внутри меня тоже была бездна.

Моя жизнь разбилась вдребезги. Теперь всё зависело от моего выбора: стать его женой... или его жертвой.

Но где-то в глубине души я знала: он не убьёт меня. Потому что он уже увидел во мне то, что искал всё это время.

Сестру по тьме.

Глава 5 Свадебный балаган. Теперь миссис Дымова

«Брак без любви – это клетка, в которую ты входишь добровольно. И самое страшное – в какой-то момент ты понимаешь, что ключ остался снаружи, а что делать дальше – неизвестно" – Ксения Мун

Алиса

С той секунды, как он произнес свой ультиматум – либо кольцо на палец, либо пуля в лоб, – время будто распалось на вязкие осколки. Он великодушно подарил мне пять минут на размышления, но эти минуты растянулись в бесконечную агонию, словно кто-то замедлил ход вселенной специально для моих мучений. Передо мной стояли две пропасти, и я отчаянно пыталась понять, в какой из них темнее. Я не знала даже его имени – для меня он оставался лишь сгустком татуированной тьмы, человеком без прошлого, который только что перечеркнул мое будущее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.